

Бянь Шэнцзянь всегда считал себя человеком закаленным — из тех, кого мало что способно по-настоящему задеть. Но когда он увидел уведомление, набранное жирным шрифтом на черном фоне, в груди на мгновение перехватило дыхание, словно из легких выбили весь воздух.

Год прошел.

Еще один год.

«Что мне сказать тебе в этот раз? Мам, кажется, этот год у меня не задался...»

— Сань-гэ! — окликнул его Чжоу Ли. — Ты чего?

— Ничего, — Шэнцзянь поднял на него взгляд. — Плакать закончил?

— Я ж мужик, — он шмыгнул носом и вытер его тыльной стороной ладони. — И вообще, я не плакал. Так, в глазу что-то чесалось.

— Иди на уроки, «мужик», — вздохнул Бянь Шэнцзянь. — Еще раз соглашусь с тобой выпить — пристрели меня.

— Да ладно тебе, — тот усмехнулся и по-свойски закинул руку ему на плечо. — У меня отличная выдержка, просто когда на душе паршиво, развозит быстро...

— Шэнцзянь!

Они как раз препирались, возвращаясь в класс, когда Бянь Шэнцзянь услышал за спиной голос Лао Таня.

— Подойди-ка на пару слов.

— Опять что-то не так? — Шэнцзянь раздраженно сбросил руку приятеля со своей шеи. — Что там Чэнь Ли на этот раз наплела?

— Чжоу Ли, ты иди, — Лао Тянь дождался, пока парень скроется за дверью, и лишь тогда заговорил вполголоса: — Это касается твоего отца. Он просил кое-что тебе передать.

— И что же? — Бянь Шэнцзянь скрестил руки на груди, глядя на учителя исподлобья.

— Он просил... — тон Лао Таня стал еще тише, почти заискивающим, — напомнить тебе, чтобы в следующем месяце ты не забыл съездить к матери на кладбище.

Шэнцзянь оцепенел. Когда до него дошел смысл сказанного, ярость мгновенно вскипела в груди, разливаясь по венам раскаленным свинцом. Каждая клетка тела кричала от шока: «С какой стати он обсуждает это с тобой?!»

— Черт бы его побрал, — процедил он сквозь зубы.

— Шэнцзянь, — голос Лао Таня звучал мягко, но Бянь Шэнцзяню казалось, будто каждое слово вонзается в барабанные перепонки острыми иглами. — Твой отец хотел сказать это сам, но ты заблокировал его везде, где только можно. У него не было другого выхода, кроме как обратиться ко мне. Пожалуйста, не вини его.

Бянь Шэнцзянь молчал, сжимая челюсти так, что зубы скрипели. Он боялся, что если откроет рот сейчас, то просто сорвется на крик: «Да какое тебе дело, старый ты ублюдок!»

— Раз уж я твой классный руководитель, я обязан знать о жизни своих учеников, чтобы помочь, если возникнут трудности, — продолжал Лао Тянь, подбирая слова с осторожностью, которую Шэнцзянь воспринимал как лицемерную жалость. — Мне жаль, что я раньше не знал о твоей семейной ситуации...

— Цай-цзун, — голос Шэнцзяня стал ледяным. — Можете не продолжать.

Учитель замаялся на секунду, но все же добавил:

— Хорошо. Просто знай: если навалится что-то тяжелое, ты всегда можешь прийти ко мне в кабинет и выговориться...

— И какой в этом толк? — Шэнцзянь поднял взгляд, сверкнув глазами. — Может, хватит уже совать нос не в свои дела?

В воздухе отчетливо запахло грозой.

— Я не сую нос в чужие дела, просто твой отец очень просил... — нерешительно начал Лао Тянь.

— Сколько он тебе отвалил? — Бянь Шэнцзянь чувствовал, как остатки самообладания рассыпаются в прах. Он едва сдержался, чтобы не спросить в лоб: «Ты что, его цепной пес?». — С чего он взял, что имеет право рассказывать тебе это? И почему ты решил, что я обязан это слушать?

— Шэнцзянь... — учитель попытался его успокоить.

— Мать умерла — я что, сам не знаю?! — Голос Шэнцзяня сорвался, слова хлестали, как плети.

— Я ее сын, по-вашему, я могу забыть день ее смерти? С какой радости он лезет к вам с этими разговорами?! Он хоть помнит, что сам творил тогда? Почему всё стало именно так, почему я стал таким?! Ну же, просветите меня, раз вы такой знаток семейных драм!

— Шэнцзянь, — Лао Тань попытался коснуться его плеча, — не кипятись.

— Да пошли вы со своим спокойствием! — Шэнцзянь с силой сбросил его руку. — Умерла не ваша мать! Нечего строить из себя святошу передо мной!

— Бянь Шэнцзянь! — наконец сорвался на крик учитель. — Следи за тоном! Я пытаюсь по-человечески с тобой поговорить!

— Поговорить? О чем? — Шэнцзянь горько усмехнулся. — Лишний раз поковырять в моей ране? Или вы думаете, что если мы тут посидим и поболтаем, то завтра мама оживет и придет за мной в школу?

Лао Тань открыл рот, но так и не нашел, что ответить.

— Цай-цзун, господин учитель Тань, — Шэнцзянь опустил взгляд. — Свои семейные дела я знаю получше вашего. Мне не нужны ни ваши советы, ни ваше сочувствие. В этой жизни нет никакого «взаимного понимания». Всё это чушь и пустые слова.

— Иди домой, — после долгого молчания произнес Лао Тань. — Мы договорим в другой раз.

— Не стоит, — Шэнцзянь вскинул голову. — Скажу сразу, чтобы дважды не вставать. Отныне, что бы этот человек вам ни наплел про мою семью, держите это при себе. Даже под страхом смерти не смейте передавать это мне. Если я услышу от вас хоть слово — я вас просто избью.

Учитель в ужасе уставился на него.

— Не забывайте, меня сюда перевели за драку, из-за которой из прошлой школы выперли, — напомнил Шэнцзянь. — Сейчас я вас не трогаю, но предупреждаю на берегу: забудьте о моих домашних делах. Понятно?

— Иди уже... — Лао Тань мелко дрожал губами — то ли от возмущения, то ли от растерянности. — Просто уходи.

Бянь Шэнцзянь развернулся и зашагал к классу. Лишь пройдя полпути, он разжал кулаки — на ладонях остались багровые полумесяцы от ногтей.

Ему было паршиво. Душно. Гнев, обида и унижение душили его, словно невидимая удавка. Но сильнее всего была горечь. Самая обыкновенная, невыносимая человеческая печаль.

В классе Чжоу Ли сразу заметил, что друг не в духе, и благоразумно не стал лезть с расспросами. Лишь спустя пару минут Лу Шэнь, сидевший поодаль, легонько задел край его рукава:

— Что случилось?

Шэнцзянь не ответил. Весь остаток утра он не проронил ни слова. Каждый раз, когда Чжоу Ли пытался обернуться к нему, он наткался на такой тяжелый взгляд, что тут же отворачивался, потирая предплечья.

— Мать честная... Ну и жуть в глазах.

На дневных уроках Бянь Шэнцзянь в классе не появился. Его место пустовало, что при такой малочисленности учеников выглядело вызывающей дерзостью. Учитель английского, вспыльчивый старичок, в ярости метался по подиуму, хлопая учебником по столу. Он отправлял ребят искать прогульщика в общежитии и туалетах, но поиски не дали результатов.

— Возмутительно! — гремел старик. — Кто-нибудь может с ним связаться? Передайте этому бездельнику, чтобы после уроков он катился напрямиком в мой кабинет!

Класс замер в гробовом молчании. Лишь те несколько парней, что были в ресторане хого, переглянулись и неуверенно подняли руки:

— Учитель, может, у него дома что-то случилось...

— Случилось? Разве это повод не просить отгул? — Старик сверкнул глазами. — Это злостный прогул!

Лу Шэнь посидел немного, слушая вопли учителя, и, когда тот наконец перешел к теме урока, преспокойно встал и вышел через заднюю дверь.

Никто, разумеется, не обратил на него внимания.

Погода стояла отличная: яркое солнце и свежий ветерок.

Лу Шэнь задержался у входа в корпус, а затем уверенно зашагал в одном ему известном направлении. Он сохранял привычную отстраненность, но точно знал, где искать Бянь Шэнцзяня.

Миновав учебные корпуса и аллею манговых деревьев, он вышел к берегу озера.

Шэнцзянь сидел на ступенях спиной к нему. Ветер трепал воротник его форменной рубашки. Со стороны его фигура казалась воплощением одиночества.

— Прогуливаешь? — Лу Шэнь негромко заговорил, подходя ближе. — Тебя там англичанин по всей школе ищет.

Шэнцзянь вздрогнул, хотя к внезапным появлениям Лу Шэня уже пора было привыкнуть.

— Угу, — коротко отозвался он.

Лу Шэнь опустил взгляд. Бянь Шэнцзянь, заткнув уши наушниками, вальяжно откинулся на спинку скамьи, вытянув длинные ноги. Он не смотрел на подошедшего, лишь лениво развернул конфету и отправил ее в рот. Возле его руки уже скопилась горка разноцветных фантиков, ярко сверкавших на солнце.

— Делиться надо, — Лу Шэнь присел рядом. — Я тоже хочу.

Шэнцзянь, не говоря ни слова, выудил из рюкзака пачку карамелек и бросил ему.

Лу Шэнь выбрал виноградную и вместе с ним уставился на искрящуюся гладь воды. Они сидели неподвижно, не проронив ни звука, словно две статуи, затерянные в шуме ветра.

— Что слушаешь? — спустя долгое время спросил Лу Шэнь, слегка повернув голову.

Шэнцзянь продолжал смотреть на озеро. Он плотно сжал губы, в выражении лица читалась странная потерянности. Казалось, он вовсе не слышит вопроса.

Лишь когда Лу Шэнь осторожно вытянул один наушник из его уха, Шэнцзянь словно очнулся.

— Ты что творишь?..

— Инструментал? — удивился Лу Шэнь.

Он ожидал, что Бянь Шэнцзянь в таком настроении будет глушить себя каким-нибудь тяжелым металлом, но из наушника лилась мягкая, бесконечно печальная мелодия.

— Solitude, — Бянь Шэнцзянь прикрыл глаза, будто говоря сам с собой. — Рюити Сакамото. Обожаю эту вещь.

— Красиво, — Лу Шэнь вернул наушник на место и откинулся назад.

— Лу Шэнь, — внезапно позвал Шэнцзянь.

— М? Что?

— Скажи... в чем смысл жизни? — Шэнцзянь смотрел перед собой, и хотя голос его был спокоен, Лу Шэнь почувствовал, как сильно тот ждет ответа.

— Не знаю, — Лу Шэнь помедлил. — Но если на ходу придумать... наверное, в том, чтобы дать самому себе отчет.

Шэнцзянь повернулся к нему:

— В смысле?

— Жить нужно не для того, чтобы доказать миру, какой ты крутой, пока не сдох. А просто чтобы быть честным с самим собой. Кто ты, чего хочешь, кем планируешь стать — наплевать на чужое мнение. Нужно просто идти к той точке, которую наметил сам.

— Ясно, — в лице Шэнцзяня что-то дрогнуло. Он еще немного посмотрел на Лу Шэня, а затем снова отвернулся к озеру.

— С чего такие вопросы? На философии ты, помнится, спишь без зазрения совести, — Лу Шэнь негромко усмехнулся.

— Не твое дело, — Шэнцзянь забросил в рот очередную конфету. — Сплю я или нет, на мои размышления об этом мире это никак не влияет.

— И всё-таки, что стряслось? — Лу Шэнь внимательно наблюдал за ним. — Даже мне не расскажешь?

— А ты мне кто? — Шэнцзянь криво усмехнулся. — Много на себя берешь.

Снова повисла тишина, нарушаемая лишь тихим хрустом карамели. Но на этот раз молчание не тяготило — оно казалось почти уютным.

Внезапно Лу Шэнь спросил невпопад:

— Какое сегодня число?

— Пятнадцатое, — Шэнцзянь покосился на него. — Чего, от учебы мозги закипели?

— Да нет, ничего, — Лу Шэнь задумчиво разгладил пальцем блестящий фантик. — На уроки сегодня не вернешься?

— Иди сам, я еще посижу. Один. — Шэнцзянь сменил позу, закинув ногу на ногу. — Лу Шэнь, не надо так.

— Я же сказал, мне нравятся парни, — Шэнцзянь в упор посмотрел на него. — Так что держись от меня подальше.

— Не выйдет, — Лу Шэнь улыбнулся. — Ты ведь меня всё равно не любишь, так?

Шэнцзянь поперхнулся словами. Он пару раз открыл рот, но так и не нашелся с ответом, только махнул рукой:

— Вали уже, глаза б мои тебя не видели.

— Сань-гэ, — Лу Шэнь замялся, прежде чем уйти. — Я всё-таки должен предупредить... Будь осторожен сегодня ночью.

— Осторожен? — Шэнцзянь недоуменно нахмурился. — В смысле?

— Не шатайся нигде. Сиди в общежитии, и всё, — бросил Лу Шэнь.

Бянь Шэнцзянь провожал его взглядом, пока тот не скрылся за деревьями. Манера речи и поведение Лу Шэня всегда ставили его в тупик, но то, что парень пришел искать его после прогула, отозвалось в душе странным теплом. Гнев на учителя и отца немного поух.

Он поправил наушник и потянулся за конфетой, но обнаружил, что упаковка пуста — осталась лишь гора фантиков. Шэнцзянь чертыхнулся и полез в потайной кармашек рюкзака, надеясь найти пару завалившихся «беглянок».

Сладостей там не оказалось, зато пальцы наткнулись на что-то странное.

«Это еще что?»

Нахмурившись, он извлек из глубины кармашка аккуратно сложенный листок желтой бумаги. Повертел его в руках и развернул.

Это был... магический талисман?

Шэнцзянь в изумлении разглядывал пожелтевшую бумагу, исписанную черной тушью.

Загадочные символы и закорючки напоминали те самые магические талисманы от злых духов, которые показывают в кино.

Но как эта штука оказалась у него в рюкзаке?

Бянь Шэнцзянь нахмурился еще сильнее. Он вспомнил странное предупреждение Лу Шэня, достал телефон и сфотографировал магический талисман. Затем еще раз взглянул на дату в календаре.

Пятнадцатое число. Пятнадцатое июля по лунному календарю.

«Что же... что же произойдет сегодня ночью?»

Шэнцзянь внезапно почувствовал, как по спине пробежал ледяной холодок.

<http://bllate.org/book/17573/1711461>